ГОРЬКАЯ СЛАВА БОРИСА ВОГАУ/ПИЛЬНЯКА

Известный русский писатель *Борис Андреевич Пильняк* (его настоящее имя и фамилия *Bernhard Wogau*) родился 29 сентября 1894 г. по старому стилю, что в наши дни рассчитывается как 11 октября. Сам писатель указывал свой день рождения как 12 октября, этот день и считается принятой датой его рождения. В этом году 12 октября ему исполнилось бы 129 лет.

В вопросах творчества Вогау/Пильняк отличался необычайной принципиальностью и постоянно отстаивал право иметь собственный взгляд на происходящие в Советской России сложные события. «*Мне выпала горькая слава быть человеком, который идёт на рожон. И еще горькая слава мне выпала – долг мой – быть русским писателем и быть честным с собой и Россией*», - писал он в рассказе «Расплеснутое время» (1924).

«Повесть непогашенной луны»

Таким актом «*честности с собой и Россией*» стала его «Повесть непогашенной луны». В основу этой повести, в которой впервые в советской литературе раскрываются черты нарождавшегося тоталитарного режима, в частности, уничтожения неугодных этому режиму лиц, которые совсем недавно считались единомышленниками, положена история смерти советского партийного и военного деятеля М.В. Фрунзе. Кроме того, современники без особого труда разглядели прототип другого героя повести – И.В. Сталина. По версии Пильняка большевистское руководство, во главе которого уже стоял Сталин, вынудило Фрунзе сделать операцию, в результате которой он и скончался на операционном столе, а набиравший силу диктатор избавился от одного из неугодных лиц.

Эта повесть была опубликована в журнале «Новый мир» в 1926 г. в N 5; тираж был конфискован. Вокруг автора повести разразился грандиозный скандал, который, несомненно, во многом определил его дальнейшую судьбу. (При этом следует помнить, что литературное произведение нельзя рассматривать в качестве исторического документа).

Споры об истинных причинах смерти Фрунзе не стихают до сих пор. Так, несколько лет назад некий Михель выставил в интернете пост под N 259, озаглавленный «Пильняк и его „Повесть непогашенной луны“». Названный автор излагает новую версию конфликта Вогау-Пильняка с Максимом Горьким и советской властью. При этом он между прочим пишет: «(...) *он (т.е. Пильняк - прим.* ***Р.К.****) происходил из обрусевших немецких колонистов, поселившихся в России еще во времена Екатерины II»* и далее: «... *Борис Андреевич Пильняк-Вогау действительно ничем более не прославился ни до, ни после публикации „Повести непогашенной луны*“», кроме того: «... *шумиха 1931 года из-за практически никому не известного произведения...».*

В этих утверждениях всё неверно. Более того, мне кажется, что они сильно отдают чванством.

«Обруселые» колонисты?

В самом деле, начнем с «*обрусевших немецких колонистов*». В словаре русского языка С.И. Ожегова этот эпитет отсутствует вообще, указано только «обруселый». Таким образом, налицо, скорее всего, слова сходные по смыслу, синонимы (см. стр. 373 в издании 1986 года), означающие «*ставший русским*

по языку, обычаям». Иными словами, получается, что родители и предки Пильняка стали «*русскими по языку и обычаям*». Утверждать это может только человек плохо или совсем не знакомый с творчеством Вогау-Пильняка. Приведу в этой связи лишь один пример из его очерка, который писатель назвал „Не русский дух, - не Русью пахнет“: «... *Без четверти семь бьют в кирке колокола, и вся колония сидит за столом, за кофе... в семь бьют на кирке колокола, и вся колония за работой (...) Ехать на пароходе - семь часов. Пароходик отошел (вещь удивительная с точки зрения российской!) от пристани по расписанию (а не по настроению), ... Пароходик маленький, блестит начищенной медью, имя ему – «Республика», идет быстро, покачиваясь на стрежнях. Пассажиров – ровно столько, сколько на пароходе мест. Все немцы. Курят свои трубки с каучуковыми мундштуками, лбы прикрывают широкополыми шляпами, шеи кутают красными шарфами. На всех сапоги с голенищами до паха, и у всех бритые рожи с сизыми носами и с торжественным спокойствием в глазах. (...) Кругом чистота, тишина и порядок, у каждого дома вывеска, объясняющая всё: немцы не любят пустых разговоров. (...) Я – в трудовой коммуне немцев* Поволжья*, особой федерации Российской Советской Республики. (...)».* По-моему, «обруселостью» здесь и не пахнет. Вот из этой среды и вышли предки, а, значит, и отец писателя Вогау/ Пильняка, который уже в названии данного очерка четко выразил свой творческий замысел – изобразить людей, сохранивших в России свой характер, свою самобытность (эта особенность творчества писателя нашла своё отраженипе и в других его произведениях). На этом фоне овершенно очевидно, что назвать отца и предков писателя «обрусевшими колонистами» является просто невежеством, если не наглостью.

В самом деле, в условиях российской действительности, конечно, были и есть люди, которые утратили свом исконные национальные особенности, стали «*русскими по языку и обычаям*». Ничего удивительного в этом, казалось бы, нет. Но я, всё-таки, не помню, чтобы кто-нибудь написал «обрусевший еврей» или «обрусевший казах» и т.д. С российскими же немцами в этом плане обычно не церемонятся. Но это уже другая тема.

Заурядный автор?

Вернемся к утверждению Михеля. «... *Борис Андреевич Пильняк-Вогау действительно ничем более не прославился ни до, ни после публикации „Повести непогашенной луны*“». Неправда. Прославился. И до, и после. Первая книга Вогау/Пильняка «С последним пароходом» вышла в 1918 году, следующая «Былье» - в 1920. Автор считал её первой книгой о революции в РСФСР. А в 1922 году он написал в новой авангардной манере роман о революции «Голый год», который был переведен на многие языки мира и принес его автору мировую известность. Этот роман в истории русской прозы пореволюционной поры сыграл ту же роль, что и поэма А. Блока «Двенадцать» в истории русской поэзии.

В этом же году Вогау одним из первых советских писателей посетил Германию, представляя «новых писателей» советской России. В Берлине тогда даже вышли две книги Вогау, в которые вошли произведения «Голый год», «Иван-да-Марья», «Повесть Петербургская или Святой камень-город», «Смертельное манит».

В 1927 году вышли в свет книги «Заволочье», «Корни японского солнца», «Очередные повести», «Расплеснутое время», «Рассказы с Востока», в 1928 – «Китайская повесть», а также другие повести и рассказы, в которых частично

нашли свое выражение впечатления писателя от многочисленных поездок по СССР и за границу. В 1929 году увидело свет 6-томное, а в 1930 году – 8-томное собрание сочинений Вогау/Пильняка.

В 1929 году в берлинском издательстве «Петрополис» вышли в свет повести «Штосс в жизнь» и «Красное дерево». Это послужило поводом для травли, организованной против Вогау/Пильняка, несмотря на то, что он в то время возглавлял Всероссийский союз писателей. Сделано это было, несомненно, по распоряжению вождя, который стремился любой ценой поставить под партийный контроль советскую литературу.

В тридцатые годы Вогау/Пильняк опубликовал книги «Волга впадает в Каспийское море», «Таджикистан – седьмая советская», «О'кей, американский роман», «Камни и корни», «Созревание плодов», «Рождение человека». В предчувствии ареста Вогау в 1937 году написал роман «Соляной амбар», в котором тематизирует свои детские и юношеские годы, проведенные в провинциальных городах России, а также пытается проанализировать истоки революции и событий, свидетелем которых он стал.

Происхождение и родители писателя

Мать писателя, Мария Савинова, была дочерью русского волжского купца, отец же, Андрей Иванович Вогау, земский ветеринарный врач, родился и вырос в городке Катериненштадт, который также назывался Баронск (в советское время Марксштадт, сегодня Маркс). Этот городок на Волге в 1918 году стал центром трудовой коммуны немцев Поволжья и неоднократно упоминается в рассказах Вогау, называвший его по старинке «колония Катериненштадт». В 1924 году трудовая коммуна немцев Поволжья была преобразована в автономную республику, столицей которой стал город Энгельсь (до этого Покровск).

Сам Борис Андреевич Вогау/Пильняк считал себя немцем Поволжья, о чем неоднократно заявлял. Известно, например, следующее высказывание писателя: «*Я немец Поволжья, и я так воспитан, что любое воровство вызывает у меня тошноту»*. Связь с Поволжьем он ощущал всю жизнь: «*Мечтаю о Волге – ведь я же волжанин, а три года не мог добраться туда* (...)», - писал он А.М. Чернышеву в 1915 году. Но если представлялась возможность, он, конечно, «туда добирался». А если в этом была необходимость – тем более.

Работая в Российском государственном архиве, автор этих строк натолкнулся на документ, свидетельствующий о том, что «*бригада писателей во главе с Борисом Пильняком»* весной 1933 года посетила немецкую республику в связи со свирепствовавшим там голодом и направила в этой связи письмо на имя Сталина, в котором приводились факты проявления указанного бедствия, вина за которое возлагалась на местных руководителей, которых писатели предлагали привлечь за это к отсетственности. Они также предлагали оказать республике срочную помощь. Этот документ я представил в распоряжение д-ра Наталии Кромм, знатоку творчества Бориса Пильняка/Вогау.

В республике немцев Поволжья знали писателя и гордились им. Вогау живо интересовался жизнью республики и был лично знаком со многими представителями её интеллигенции – профессорами Георгом Дингесом, Андреем Дульзоном, археологом и художником Паулем Рау, что также нашло отражение в его творчестве. Так, в рассказе «Немецкая история» он пишет: «*В городе Покровске, в музее, где постоянно работают профессор Дингес и доктор Рау, изредка собираются на заседание экономист Генрих Шлегель,*

кооператор Виктор Штромбергер, статистик Николай Либих, общественные деятели, - иногда заходят члены немецкого правительства. Тогда ведутся очередные рабочие разговоры, о менно-голландском скоте меннонитского Коппентальского района (кантона), о холодильном деле, о хлебозаготовках, о кустарном ремесленничестве, о растительности заливных волжских лугов, о сыроварении, о беконном деле, о многом очередном прочем. (...) – За буднями разговоров в музее, когда заседания заканчиваются и остаются доктор Рау и профессор Дингес, эти два рыцаря своей родины, когда они говорят о своих работах, так же обыденно, как на заседании, - говорят о вновь разработанной сказке и о новом разрытом кургане, платьях, принесенных в музей из могил, - тогда возникает - здесь, в этих музейных комнатах – возникает история, наука этой страны. За стеклами витрин лежат человеческие черепа, камни и утварь тысячелетий курганов».

«Немецкая история»

Литературовед Самуил Зиннер, проживающий ныне в США, является племянником Петра Ивановича Зиннера, известного в свое время в немецкой республике краеведа, историка, поэта и писателя. Он считает, что для литературного творчества его дяди характерен мотив быстротечности, тленности, непостоянства всего сущего. Так, вспоминая своё детство, Петр Иванович в стихотворении «Ein Wunder» (1926) пишет: „*Ich träum‘ mich zurück in ein wunderreich Land,/ Wie war es doch herrlich, wie rasch es doch schwand*“. Самуил Зиннер считает, что именно под влиянием Петра Зиннера насыщенная и активная жизнь немцев Поволжья в 1920-е годы изображается Борисом Вогау как быстротечное, непостоянное, мимолётное видение, как мираж.

В начале рассказа автор вспоминает «молочные реки и кисельные берега», обещанные императрицей Екатериной Второй переселенцам из Германии, ср.: «*В 1763 году по германским городам читался манифест Екатерины Второй, российской императрицы, в коем говорилось, что в России, на Волге есть такие чудесные места, где произрастают лимоны, виноградыи мирты, происходит миртовая жизнь, эдакий лирический лимонад из писаний великой императрицы и что оная Фелица приглашает всех желающих немцев ехать туда на вечные времена трудиться и блаженствовать без податей, без воинской повинности на сто десять лет, на новые земли, где каждый может себе взять земли, сколько захочет.* (...)». И далее: «*Люди тогда приехали к осени, в места, где, как полагалось по российским традициям, миртов не произрастало, но была голая степь, ковыль, пустыня и ни одного человеческого кола. По степи кочевали киргизы и калмыки, и за степью на горизонтах вставали миражи. Кроме немцев в эти места Екатериной ссылались каторжники и острожники русского происхождения. Немцы оказались в положении более жестоком, чем Семилетняя война, - и в первые же два года от тридцати тысяч немцев осталось двадцать три; бывшие офицеры ушли к Пугачеву, солдат вешала Екатерина. Многие собрались было бежать обратно, - и есть ряд рассказов о том, как русские каторжане, за мзду брались провожать безъязыких немцев, везли их на дощаниках до ближайшего глухого острова и там резали немцам языки. В нынешнем Марксштадте – в прежнем Катринштадте – до сих пор видны остатки рвов крепости, охранявшей колонию от киргизов и от россиян. Киргизы так же, как и россияне, имели привычку резать немцам языки, не умеющие говорить по-русски. В 1924 году, по переписи, немцев было шестьсот тысяч человек*

(...). И вот сейчас же, за десятком верст от Волги, когда позади точно рядом волжские горы, - впереди в степи возникла чудесность – возникли пальмы, мирты, виноградники. Озера, воды, непонятные человеческие стройки, фантастика, чудесность, - все то, что обещано в манифесте Екатерины Второй. Это – мираж». Литературовед Самуил Зиннер интерпретирует этот мираж как метафору на основе сравнения с немецким островом в русском море...

Таким образом, Борис Андреевич Вогау/Пильняк словно предвидел грядущую катастрофу немцев Поволжья, будто чувствовал, что немецкий оазис в приволжской степи исчезнет, как мираж. Только исчез он не сам по себе, а в результате оставшегося безнаказанным насилия, злобы и зависти, которые вкупе оказались в тысячу раз страшнее и беспощаднее кочевников и русских каторжников, резавших немцам языки. Предвидеть же свою личную трагедию и предотвратить её он не смог. В октябре 1937 года его арестовали, а 21 апреля 1938 года он был осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по ложному обвинению в совершении государственных преступлений. Приговор был приведен в исполнение в тот же день.

Д-р Роберт КОРН